

Научная статья

УДК 343.132 (575.2)

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005

Современное состояние и пути совершенствования медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики

ВАЛЕРИЙ ФИЛИППОВИЧ АНИСИМОВ

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
anisimov.vf@gmail.com

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

ТААЛАЙБЕК ТУРСУНОВИЧ ШАМУРЗАЕВ

Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, taalha@mail.ru

Реферат

Введение: в настоящее время доказано, что использование медиативных процедур в различных сферах общественной жизни, как правило, характеризуется высокой степенью эффективности разрешения конфликтов. Не является исключением и сфера уголовного судопроизводства, которая также нуждается в дополнительных мерах по примирению представителей сторон обвинения и защиты с обязательным соблюдением прав и законных интересов каждого из них. Проблема регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики медиации как альтернативного и восстановительного способа разрешения уголовного дела, а также особенности ее применения в рамках конкретного уголовного дела составляют предмет настоящего исследования. *Цель:* на основе анализа нормативных актов Кыргызстана и России, практики применения медиации в уголовном процессе отдельных государств, трудов ученых-правоведов, официальных статистических данных выработать предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Кыргызстан по исследуемой проблематике. *Методы:* диалектический, сравнительно-правовой, системно-структурный, индукции, дедукции, анализа, синтеза и др. *Результаты исследования* подтверждают наличие недостатков в действующем законодательстве Кыргызстана в части отдельных особенностей регламентации осуществления медиативных процедур в уголовном процессе. Выявленные недостатки носят частный характер, а потому могут быть устранены без пересмотра системообразующих институтов уголовного права и процесса. *Выводы:* 1) одним из условий подтверждения необходимой квалификации медиатора является наличие высшего юридического образования; 2) медиативные функции наряду с профессиональным медиатором может выполнять должностное лицо правоохранительных и (или) судебных органов, осуществляющее производство по уголовному делу; 3) заключение медиативного соглашения не препятствует обвиняемому/подсудимому отказаться от признания отдельных имеющих юридическое значение обстоятельств и фактов, установленных по делу.

Ключевые слова: альтернативный способ; восстановительное правосудие; защита; медиация; медиатор; подозреваемый; обвиняемый; потерпевший; разрешение конфликта; суд.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Анисимов В. Ф., Лапшин В. Ф., Шамурзаев Т. Т. Современное состояние и пути совершенствования медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 157–164. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005.

Current State and Ways to Improve Mediation in Criminal Proceedings of the Kyrgyz Republic

VALERII F. ANISIMOV

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com

VALERII F. LAPSHIN

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

TAALAIBEK T. SHAMURZAEV

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Abstract

Introduction: it has now been proven that the use of mediation procedures in various spheres of public life, as a rule, is characterized by a high degree of effectiveness in conflict resolution. The sphere of criminal proceedings is no exception, which also needs additional measures to reconcile representatives of the prosecution and defense sides, with mandatory respect for the rights and legitimate interests of each of them. The problem of regulation in the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic of mediation as an alternative and restorative method of resolving a criminal case, as well as the specifics of its application in a specific criminal case, is the subject of this study.

Purpose: based on the analysis of normative acts of Kyrgyzstan and Russia, the practice of using mediation in the criminal process of individual states, the works of legal scholars, official statistical data, to develop proposals aimed at improving the criminal procedure legislation of the Republic of Kyrgyzstan on the issues under study. *Methods:* dialectical, comparative-legal, system-structural, induction, deduction, analysis, synthesis, etc. *The results* of the study confirm the existence of shortcomings in the current legislation of Kyrgyzstan in terms of certain features of the regulation of mediation procedures in criminal proceedings. The identified shortcomings are of a private nature, and therefore can be eliminated without reviewing the system-forming institutions of criminal law and the process. *Conclusions:* 1) one of the conditions for confirming necessary qualifications of a mediator is the availability of higher legal education; 2) mediation functions, along with a professional mediator, may be performed by a law enforcement official and (or) judicial authorities conducting criminal proceedings; 3) the conclusion of a mediation agreement does not prevent the accused / defendant from refusing to recognize certain legally significant circumstances and facts established in the case.

Keywords: alternative method; restorative justice; defense; mediation; mediator; suspect; the accused; victim; conflict resolution; court.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Anisimov V.F., Lapshin V.F., Shamurzaev T.T. Current state and ways to improve mediation in criminal proceedings of the Kyrgyz Republic. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 157–164. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005.

Введение

Любое цивилизованное государство стремится обеспечить минимизацию негативных последствий, вызванных совершением преступления. Данное правило в равной степени касается как потерпевшего от преступной деятельности, так и лица, признаваемого виновным в совершении уголовно наказуемого деяния. В странах постсоветского пространства либерализация уголовной ответственности преимущественно осуществляется по пути смягчения наказания уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами регламентации. Это находит свое проявление, например, в виде включения в уголовные законы новых видов наказаний, альтернативных лишению свободы, введения новых видов освобождения

от уголовной ответственности и наказания, расширения возможностей судейского усмотрения при выборе вариантов смягчения мер ответственности, применяемых к осужденному. Примеры гуманизации условий исполнения наказаний также можно встретить в действующих уголовно-исполнительных законах стран бывшего СССР. Они, как правило, связаны с созданием условий для исполнения новых видов наказаний, не предполагающих изоляцию от общества, дифференцированного подхода к определению режима отбывания лишения свободы и др.

В то же время достаточно значительный потенциал экономии уголовной репрессии содержат институты современного уголовно-процессуального

права. Обеспечение надлежащего разрешения уголовного конфликта между потерпевшим и обвиняемым на уровне производства по уголовному делу, как представляется, является более эффективным решением в части соблюдения прав и законных интересов личности и обеспечения гуманизации мер уголовной ответственности без ущерба для достижения цели восстановления социальной справедливости (исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений). Поэтому медиация в уголовном процессе имеет достаточно большие перспективы с учетом имеющего место социального запроса.

Постановка вопроса о применении медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызстана является актуальной и своевременной, поскольку данный метод разрешения дела не используется в правоприменительной деятельности.

В законодательстве Кыргызской Республики заложены основы для применения медиации как альтернативного способа разрешения конфликтов, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. При этом в научной литературе доказывается значительная социальная польза от реализации медиативных механизмов именно в рамках уголовного судопроизводства [1, с. 122]. Мы полагаем, что введение медиации в уголовное судопроизводство позволит снизить производственную нагрузку на правоохранительные и судебные органы. В рамках судебной реформы Верховный суд Кыргызской Республики заявляет о резком росте количества уголовных дел, подлежащих рассмотрению в национальных судах различных инстанций. Если в 2020 г. количество уголовных дел составляло 125 тыс. 285 дел и судебных материалов, то по итогам 2024 г. уже 251 тыс. 62. Также, по данным высшей судебной инстанции Кыргызстана, количество дел, рассматриваемых судьей, выросло в 2–2,5 раза и до 85 дел в месяц. Например, в Ленинском районном суде Бишкека осуществляют правосудие 23 судьи. В данный суд за 2022 г. поступило 14 тыс. 783 дела и судебных материалов, за 2023 г. – 15 тыс. 304, а за 2024 г. – 23,5 тыс. Средняя нагрузка на одного судью составляет от 53 до 85 дел и судебных материалов в месяц, что на 35–65 единиц выше установленной нормы [2].

Согласно ч. 3 ст. 61 Конституции Кыргызской Республики государство обеспечивает развитие внесудебных и досудебных методов, форм и способов защиты прав и свобод человека и гражданина. Правовое регулирование медиации закреплено в Законе Кыргызской Республики от 28.07.2017 № 161 (по сост. на 08.08.2023) «О медиации» (далее – Закон КР о медиации). Но институт медиации в уголовном процессе до настоящего времени не обеспечивает необходимое снижение нагрузки на органы судебной системы и прогнозируемую эффективность разрешения уголовно-правовой конфликт с соблюдением всех прав и законных интересов его сторон (преступник, потерпевший и др.) без прохождения всех стадий обычного порядка уголовного судопроизводства. Устранение данных барьеров в настоящее время яв-

ляется очередным социально значимым вызовом для уголовно-правовой науки.

Обсуждение

Оценка уголовно-процессуальной медиации в странах постсоветского пространства неоднозначна. Если, например, в Российской Федерации медиативные процедуры в рамках производства по уголовному делу пока еще являются только предметом научного диспута, то в Республике Кыргызстан медиация уже получила официальное признание и закрепление в системе институтов уголовно-процессуального права. В целом указанный институт достаточно положительно воспринимается в научной среде и, по мнению большинства исследователей, медиация в уголовном процессе будет способствовать совершенствованию института примирения сторон [3, с. 356].

Однако на основе анализа имеющихся в настоящее время исследований можно заключить, что среди ученых не достигнуто общего понимания сущности медиации в уголовном процессе. Подтверждением данного вывода являются неоднозначные толкования рассматриваемой категории. Так, Л. В. Головкин определяет медиацию как «любую процедуру, в рамках которой предоставляется возможность пострадавшему и правонарушителю с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления» [4, с. 128].

По мнению В. Н. Сизовой, медиация – это «упорядоченная совокупность определенных методов, используемых специальными субъектами – медиаторами – в целях достижения соглашения и разрешения по взаимному волеизъявлению конфликтующих сторон возникшего уголовно-правового конфликта применительно к строго обозначенной категории уголовных дел небольшой и средней степени тяжести» [5, с. 158].

По утверждению Л. А. Воскобитовой, медиация – это «основанная на законе возможность разрешать конфликты при помощи посредника наиболее приемлемым для сторон образом, влекущая заключение мирового соглашения или прекращение производства» [6, с. 65].

Л. Н. Симанович определяет медиацию по уголовным делам в качестве элемента восстановительного правосудия, посредством которого достигаются ускорение уголовного судопроизводства (*de lege ferenda*), финансовая экономия и эффективное восстановление нарушенных прав потерпевшего [7, с. 47].

Медиация в уголовном судопроизводстве, по мнению А. А. Арутюняна, является разновидностью особого (упрощенного) порядка рассмотрения уголовного дела. Ее применение содействует упрощению и, как следствие, в ряде случаев ускорению уголовного судопроизводства посредством отказа от уголовного преследования при наличии определенных условий или посредством внедрения дифференцированных процедур, направленных на разрешение уголовно-правового конфликта без проведения расследования и судебного разбирательства в общем порядке [8, с. 21].

Из предлагаемых российскими учеными научно обоснованных решений о целесообразности введения в уголовный процесс медиации как одного из средств эффективного разрешения уголовно-правового конфликта, законодатель ограничился применением данного процессуального института только в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиация применяется в спорах, которые возникают в рамках реализации преимущественно частноправовых отношений. Исключением из этого правила являются публичные правоотношения, реализуемые в ходе административного судопроизводства.

Указанный федеральный закон является нормативным актом, определяющим юридические основы возникновения и правила реализации медиативных процедур. Поэтому в случаях, не предусмотренных указанным нормативным актом, медиация становится возможной только при указании в ином федеральном законе на основание и порядок ее осуществления (ч. 1 ст. 3). Учитывая, что действующий УПК РФ не предусматривает возможность применения медиации, последняя не может применяться как самостоятельное средство урегулирования уголовно-процессуальных отношений.

Но категорично заявить об отсутствии признаков медиации в российской уголовно-производстве тоже было бы неверным, поскольку ст. 76 УК РФ предусматривает отдельный вид освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести. Основанием для такого освобождения является утрата лицом, совершившим преступление, общественной опасности, а условие для такого признания сводится к факту примирения с потерпевшим. Медиативные процедуры примирения ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном кодексе не получили детальной регламентации, что можно рассматривать лишь как перспективную возможность законодательской деятельности в части медиации в уголовном судопроизводстве. Пока же на роль медиаторов могут претендовать представители всех сторон правоотношения: суд, следователь, потерпевший, защитник, подозреваемый, обвиняемый и др. Ключевое значение отводится факту официального примирения подозреваемого/обвиняемого/подсудимого и потерпевшего, сопровождаемого заглаживанием вреда, причиненного в результате совершения преступления, то есть признаками, характерными для медиации.

Российская практика нормотворчества в части медиативных процедур в уголовном судопроизводстве пока не воспринимает зарубежный опыт: в настоящее время многие страны признают медиацию по уголовным делам как эффективную процедуру разрешения споров. Наиболее развит институт медиации в таких странах, как Япония, Корея, США, Великобритания, Германия, Австралия, Китай, Индия и др. [9, с. 90]. В 70-е годы прошлого столетия

в США в результате практикуемой общественными и религиозными организациями восстановительной работы с преступниками стали появляться различные программы примирения в уголовном судопроизводстве. Разработка и реализация программ восстановительного правосудия обеспечили эффективность применяемых уголовных и уголовно-процессуальных мер принуждения, что сопровождалось экономией уголовной репрессии и обеспечением восстановления прав и законных интересов потерпевшего от преступления. В течение двадцати лет медиативные инструменты были включены в уголовно-процессуальные законы большинства штатов [10, с. 202–204].

В первые годы на медиацию направлялись материалы по преступлениям небольшой тяжести, совершенные несовершеннолетними преступниками, в последнее время все сильнее обнаруживает себя иная тенденция: на медиацию чаще направляют материалы о преступлениях, более тяжких или совершенных взрослыми преступниками. При этом стоит отдельно отметить, что вышеуказанные нормы распространяются как на несовершеннолетних, так и на взрослых преступников. Особенностью содержания американского варианта медиации является то, что она рассматривается в качестве одного из видов процедур правосудия, а не средства примирения сторон на любой стадии уголовного судопроизводства. Это означает, что выполнение процессуальных мероприятий по программе медиации возможно только с момента поступления уголовного дела в суд для принятия решения по существу [10, с. 203].

Учитывая положительный опыт применения медиации на любой стадии производства по уголовному делу, законодатель Кыргызстана принял решение о пользе рецепции указанного института в национальное законодательство, в результате чего был принят Закон КР о медиации. Официальное содержание медиации определяется как процедура урегулирования спора при содействии медиатора (медиаторов) путем согласования интересов спорящих сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого соглашения (п. 1 ст. 2). Закон определяет основные юридически значимые составляющие медиации как межотраслевого правового института:

- принципы осуществления;
- правовой статус медиатора как участника специфических правоотношений в области семейного, трудового, уголовного и иного права;
- процедурные правила примирения конфликтующих сторон, включая медиативные особенности по некоторым категориям споров.

Анализ отдельных положений данного Закона позволяет выявить некоторые аспекты правовой регламентации, которые имеют небесспорный характер и (или) нуждаются в дополнительном уточнении. Прежде всего речь идет о требованиях, которые предъявляются к образованию медиатора. В соответствии п. 2 ч. 1 ст. 9 одним из условий приобретения указанного статуса является наличие высшего образования. Полагаем, что подобное положение требует

уточнения, поскольку очевиден факт наличия высшего образования в области юриспруденции, тогда как формально установленное законом условие может выполняться при наличии высшего образования любой специальности: гуманитарной, естественно-научной, технической и т. п. По справедливому мнению ряда исследователей, отсутствие у профессионального медиатора глубоких познаний в области юриспруденции может привести к негативным результатам реализации примирительных процедур, в том числе к нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [11, с. 393]. В связи с чем считаем целесообразным к требованиям, предъявляемым к медиаторам, отнести высшее юридическое образование как условие допуска к профессиональной деятельности.

Некоторую дискуссионность вызывают ограничения, которые вызваны должностным положением лица, претендующего на осуществление медиативных уголовно-процессуальных действий, то есть государственных или муниципальных служащих (п. 1 ч. 2 ст. 9). Данный запрет находит свою конкретизацию в ст. 26 Закона КР о медиации, в которой содержится описание уголовно-процессуальных статусов сторон. В частности, сторонами медиации в сфере уголовно-правовых отношений являются потерпевший и лицо, подозреваемое в совершении преступления, или лицо, отбывающее наказание. Факт участия в медиации в случае недостижения согласия по спору не может рассматриваться как отказ от обвинения или как признание вины. Не могут выступать в качестве медиатора в сфере уголовно-правовых отношений следователь, прокурор, судья, сотрудник уголовно-исполнительной системы и пробации, адвокат одной из сторон.

Логика законодателя в части установления такого запрета в целом понятна: медиатор должен быть независим, что предполагает отсутствие у него каких-либо обязательств, в том числе перед органами власти и управления. Включение его в состав Республиканского сообщества медиаторов (гл. 3) как раз и обеспечивает (по мнению законодателя) подобную независимость. Это позволяет провести аналогии с представителями адвокатуры, которые осуществляют функции профессиональных защитников в уголовном процессе на безвозмездной или договорной основе. Но применение правил, которые распространяются на деятельность адвоката в уголовном процессе, мало оправдано, так как не отвечает сути медиации как средства внесудебного урегулирования конфликта. Подтверждение высказанных сомнений можно найти в содержании базовых принципов, на которых строится проведение медиации, одним из которых является нейтральность медиатора (п. 3 ст. 3, ст. 6).

Нейтральность медиатора предполагает:

- беспристрастность;
- независимость от сторон медиативных процедур, органов государственной власти, местного самоуправления, организаций, физических лиц;

– обеспечение равенства интересов конфликтующих сторон, исключаящее частные предпочтения и преференции.

Положения ст. 3 и 6 Закона КР о медиации исключают возможность инициирования и осуществления процедур медиации властными субъектами уголовного судопроизводства: судом, прокурором, следователем, руководителем следственного подразделения, органом дознания, по причине их принадлежности к органам государственной (судебной и исполнительной) власти. Кроме того, перечисленные субъекты, за исключением суда, представляют сторону обвинения, что формально указывает на отсутствие беспристрастности в уголовном процессе.

Подход, демонстрируемый законодателем Кыргызской Республики, носит сугубо формальный характер и потому создает неоправданные препятствия для эффективности применения медиации на любой стадии уголовного процесса, а также при исполнении назначенного наказания. Перечисленные субъекты уголовного процесса, в отличие, например, от представителей стороны защиты, в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Кыргызстана (УПК КР) обязаны обеспечить всесторонность, полноту и объективность исследования всех обстоятельств дела (ст. 19), а не только тех, которые формируют доказательственную базу виновности подозреваемого и обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления. Беспристрастность суда вообще не может вызывать сомнений, поскольку он не принадлежит к какой-либо из сторон уголовного судопроизводства, а его независимость определяется одним из принципов уголовно-процессуального законодательства (ст. 9).

В этой части уместно привести пример российского уголовного судопроизводства, в котором официально не предусматривается медиатор как самостоятельный участник процессуальных отношений, но характерная для медиации задача – примирение с потерпевшим и экономия уголовной репрессии – реализуется через институты освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ) и прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Субъектами деятельности, направленной на разрешение конфликта, возникшего на основе факта совершения преступления и нарушения прав, свобод и (или) законных интересов потерпевшего, как раз являются перечисленные выше властные участники уголовного процесса, хотя объективность и непредвзятость их действий по примирению сторон под сомнение не ставится [12, с. 52].

Кроме этого, некоторые исследователи справедливо указывают на наличие нравственной составляющей в инициировании судом или субъектами предварительного расследования примирительных процедур между преступником и потерпевшим [13, с. 53]. По этой причине допущенное существенное сужение круга лиц, имеющих право реализовывать примирительные процедуры в ходе производства по уголовному делу, а равно при исполнении назна-

ченного наказания, нам видится неоправданным ни с правовой, ни с социальной точек зрения.

Неоправданные коллизии имеют место в нормах УПК КР и Закона КР о медиации, которые определяют правовое содержание медиации. Так, согласно ч. 3 ст. 26 Закона КР о медиации для участия в медиации стороны должны соглашаться с обстоятельствами, установленными в ходе производства по уголовному делу. Медиация как способ разрешения уголовного дела преследует задачу достижения сторонами взаимоприемлемого способа разрешения конфликта. При этом подозреваемый (обвиняемый), потерпевший могут и не соглашаться с обстоятельствами дела, выполняя при этом обязательства, связанные с процедурой медиации (возмещать причиненный вред и т. д.). В этой части мы вновь наблюдаем приоритет создания «формальной чистоты» уголовного преследования, которая сводится к закреплению в какой-то степени вынужденного согласия сторон отказаться от своих претензий на защиту прав и законных интересов в пользу принятия решения о прекращении уголовного судопроизводства в связи с примирением сторон. В то же время истинной задачей медиации является обеспечение обвиняемым и иными лицами восстановления всех нарушенных прав и законных интересов потерпевшему, в результате чего последний не настаивает на реализации уголовной ответственности в полном объеме и не видит при этом несправедливости в принимаемом решении по делу. Учитывая данные обстоятельства, полагаем, что установление условия реализации медиативных процедур, предусмотренного ч. 3 ст. 26 указанного закона, не отвечает действительному социально-правовому содержанию медиации. На этом основании указанное положение целесообразно исключить для обеспечения эффективности деятельности по примирению сторон уголовного судопроизводства.

Судя по официальным статистическим данным, медиация в уголовном судопроизводстве не нашла должной востребованности, несмотря на свой высокий социально-правовой потенциал как средства экономии уголовной репрессии. Новейшие научные исследования свидетельствуют, что в настоящее время количество ежегодно заключаемых медиативных соглашений не превышает ста, из которых только пятая часть (21 %) – по уголовным делам, находящимся в производстве суда. Приблизительно треть (27 %) от общего числа медиативных процедур не имеет положительного результата, так как стороны не приходят к решению о возможности заключить медиативные соглашения с последующим отка-

зом от продолжения уголовного преследования [14, с. 358]. Возможно, перечисленные обстоятельства и выступают основными препятствиями для широкого применения уголовно-процессуальной медиации в Кыргызстане.

Заключение

Медиация как институт уголовно-процессуально-го права Кыргызской Республики имеет значительные перспективы для развития, прежде всего, по причине обеспечения экономии уголовной репрессии и эффективности решения социально значимых задач: восстановление нарушенных прав потерпевшего, инициативное заглаживание лицом, совершившим преступление, причиненного вреда, высокая степень воспитательного воздействия на общество и др.

Для масштабирования практики успешной реализации медиативных процедур в законодательство Кыргызстана необходимо внести ряд изменений и дополнений, направленных на создание дополнительных условий для качественного выполнения функций медиатора и включение дополнительных гарантий соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Для этого необходимо реализовать следующие законодательные решения:

1. Одним из требований, которые предъявляются к кандидату на получение статуса «медиатор», должно являться наличие высшего юридического образования. Образование по иным специальностям не гарантирует наличие достаточных знаний, умений и навыков, необходимых для квалифицированного разрешения юридических споров.

2. Функции медиатора в уголовном процессе может выполнять не только официальный представитель Республиканского сообщества медиаторов, но и должностные лица правоохранительных и судебных органов, осуществляющих производство по делу. Необходимые правовые гарантии надлежащего выполнения ими указанных функций лежат в основе их правового (уголовно-процессуального) статуса.

3. Заключение медиативного соглашения, констатирующего факт примирения с потерпевшим, не может создавать ограничения или препятствия для отказа обвиняемого от некоторых установленных по делу фактов и обстоятельств, имеющих юридическое значение. Признание всех инкриминируемых обвиняемому обстоятельств, полученных в процессе реализации уголовного преследования, не может быть условием освобождения от уголовной ответственности и формировать сущность института уголовно-процессуальной медиации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салмина С. Г. К вопросу об институте медиации в уголовном процессе // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 122–125.
2. Обзор Верховного суда Кыргызской Республики за 2020–2024 гг. Сколько в год рассматривается дел в судах? Цифры растут. URL: <https://sot.kg/post/skolko-v-god-rassmatrivaetsya-del-v-sudah-tsifry-rastut> (дата обращения: 12.03.2025).

3. Петухов И. И. Эвристический потенциал медиации в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск, 2016. С. 355–360.
4. Головкин Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 127–135.
5. Сизова В. Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 156–158.
6. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. Вып. 6. М., 2006. С. 65–73.
7. Симанович Л. Н. Перспективы применения института медиации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Правовые основы обеспечения национальной безопасности. 2018. № 3 (23). С. 46–50.
8. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.
9. Липка Д. В. Медиация в зарубежных странах // Право и управление. 2023. № 6. С. 88–93.
10. Василенко А. С. Медиация в уголовном процессе США // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 202–208.
11. Иванушкина Ю. А., Худойкина Т. В. Актуальные проблемы применения процедуры медиации в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 11. С. 392–395.
12. Яцеленко Б. В. Уголовно-правовая природа усмотрения // Уголовное право. 2024. № 3. С. 50–58.
13. Рябинина Т. К., Грохотова Е. А. Нравственная характеристика примирительной процедуры в частном обвинении // Юридический мир. 2014. № 5. С. 51–53.
14. Турсунбаева Н. С. Медиация в Кыргызской Республике: принцип добровольности // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 11. С. 354–360.

REFERENCES

1. Salmina S.G. On mediation institute in criminal procedure. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Yugra State University Bulletin*, 2017, no. 1 (44), pp. 122–125. (In Russ.).
2. *Obzor Verkhovnogo suda Kyrgyzskoi Respubliki za 2020–2024 gg. Skol'ko v god rassmatrivaetsya del v sudakh? Tsifry rastut* [Review of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic for 2020–2024. How many cases are considered in the courts per year? The numbers are growing]. Available at: <https://sot.kg/post/skolko-v-god-rassmatrivaetsya-del-v-sudah-tsifry-rastut-ezhegodno> (accessed March 12, 2025).
3. Petukhov I.I. *Evristsheskii potentsial mediatsii v ugovnom protsesse Respubliki Belarus'* [Heuristic potential of mediation in the criminal process of the Republic of Belarus]. Minsk, 2016. Pp. 355–360.
4. Golovko L.V. Institute of criminal law mediation and its prospects in the Russian Federation. *Zakon = Law*, 2009, no. 4, pp. 127–135. (In Russ.).
5. Sizova V.N. Mediation in criminal law: issues of definition of the concept. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3 (31), pp. 156–158. (In Russ.).
6. Voskobitova L.A. The model law of the subject of the Russian Federation “On the Reconciliation Service”. In: *Vestnik vosstanovitel'nogo pravosudiya. Vyp. 6* [Bulletin of Restorative Justice. Issue 6]. Moscow, 2006. Pp. 65–73. (In Russ.).
7. Simanovich L.N. Prospects of using the institution of mediation in criminal proceedings of the Russian Federation. *Pravovye osnovy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti = Legal Foundations of National Security*, 2018, no. 3 (23), pp. 46–50. (In Russ.).
8. Arutyunyan A.A. *Mediatsiya v ugovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mediation in criminal proceedings: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2012. 32 p.
9. Lipka D.V. Mediation in foreign countries. *Pravo i upravlenie = Law and Management*, 2023, no. 6. S. 88–93. (In Russ.).
10. Vasilenko A.S. Mediation in the criminal process of the USA. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2012, no. 2, pp. 202–208. (In Russ.).
11. Ivanushkina Yu.A., Khudoikina T.V. Actual problems of application of mediation procedure in the Russian Federation. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2018, vol. 4, no. 11, pp. 392–395. (In Russ.).
12. Yatselenko B.V. The criminal-legal nature of discretion. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2024, no. 3, pp. 50–58. (In Russ.).
13. Ryabinina T.K., Grokhotova E.A. Moral characteristics of the conciliation procedure in private prosecution. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2014, no. 5, pp. 51–53. (In Russ.).
14. Tursunbaeva N.S. Mediation in the kyrgyz republic: the principle of voluntariness. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2024, vol. 10, no. 11, pp. 354–360. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕРИЙ ФИЛИППОВИЧ АНИСИМОВ – доктор юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, anisimov.vf@gmail.com

VALERII F. ANISIMOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – доктор юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

ТААЛАЙБЕК ТУРСУНОВИЧ ШАМУРЗАЕВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, taalha@mail.ru

VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Higher School of Law of the Yuga State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

TAALAIBEK T. SHAMURZAEV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Статья поступила 18.03.2025

